

В отличие от словосочетаний одиночные употребления не всегда дают возможность восстановить элементы свернутых пропозиций, используя информацию внутри предложения. Однако анализ следующего примера *But the EU also needs to allay its populations' fears about freedom of movement* позволил восстановить информацию о субъекте свернутой пропозиции. Глагол *move*, от которого образовано существительное *movement*, предполагает в своем номинативном окружении появление субъекта и возможное появление объекта. Восстановленная структура может быть следующей: *the EU populations move*. В других случаях восстановление информации о потенциальных участниках ситуации перемещения в пространстве, вербализованной непредикатно, требует обращения к более широкому контексту.

Таким образом, можно отметить разнообразие языковых средств репрезентации ситуации перемещения в газетных текстах. При использовании непредикатных средств информация о номинативном окружении свернутого предиката поддается восстановлению. Следовательно, устраняя номинативные компоненты пропозиции из плана выражения, непредикатные средства репрезентации сохраняют их в плане содержания.

И. В. Дмитриева, В. А. Пархимович

СРЕДСТВА ИМПЛИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Понятие субъекта достаточно часто становится объектом лингвистических исследований. В семантическом синтаксисе при определении компонентов пропозиции актант, именуемый активным производителем действия, получал разное терминологическое обозначение: агенс, агент, субъект. Данные понятия не считаются терминологически тождественными, но общий компонент «деятель», «производитель действия» присутствует во всех определениях. Во многих работах показано, что на синтаксическом уровне семантический субъект чаще всего эксплицируется как синтаксическое подлежащее.

В английском языке синтаксическое подлежащее является обязательным компонентом двусоставного предложения. При этом далеко не всегда синтаксическое подлежащее оказывается экспликацией семантического субъекта. Самый очевидный пример – это предложения с глаголом-сказуемым в страдательном залоге. Такие структуры самой своей грамматической природой служат устранению информации о семантическом субъекте из плана выражения. Хотя открывая возможность к устранению субъекта, они открывают и возможность введения информации о субъекте действия посредством дополнения с предлогом *by*. Например, *The cup was broken* или *The cup was broken by Jim*. Кроме того, существует ряд структур, где в качестве подлежащего выступает «формальное *it*», которое заполняет синтаксическую позицию подлежащего, но не осуществляет номинацию субъекта. Это случаи безличного,

предваряющего или эмфатического *it*. Следует отметить, что проводимое исследование основывается на признании отсутствия прямого изоморфизма между синтаксическим (поверхностным) и семантическим (глубинным) уровнем предложения и между подлежащим как компонентом синтаксической структуры, и субъектом как компонентом семантической структуры предложения.

В результате изучения проявлений семантического субъекта были выявлены его разновидности, взаимозависимость с типом семантического предиката, способы языкового выражения и многое другое. В представляемом исследовании в фокусе внимания находятся языковые единицы, которые, сохраняя пропозитивную семантику, открывают возможность к устранению информации о семантическом субъекте из плана выражения, т.е. его импликацию.

Общая номенклатура таких языковых единиц и структур опирается на понятие свернутой пропозиции. Языковой репрезентацией свернутых пропозиций являются разнообразные отглагольные образования: неличные формы глагола, словосочетания и конструкции (предикативные комплексы) с ними, отглагольные существительные и словосочетания с ними, а также отглагольные прилагательные. В своей семантике они во многом сохраняют валентностные характеристики исходного глагола, что позволяет моделировать потенциальные свернутые пропозиции. Сопоставление ожидаемых номинативных элементов (в том числе и субъекта) в модели пропозиции и реально представленных в поверхностной структуре позволяет оценить полноту экспликации номинативных элементов или их импликацию.

Материал для анализа составили 22 статьи из газеты «The Times». Объем выборки составил 580 употреблений потенциально-пропозитивных единиц, 38 из них оказались в составе аналитических предикатов, которые не включались в дальнейший анализ, поскольку их субъект всегда совпадает с субъектом личного предиката-сказуемого. Частотность использования языковых единиц, представляющих свернутые пропозиции, существенно варьирует: отглагольные существительные составили 37,45 %, инфинитив, формы пассивного залога и герундий характеризуются схожей частотностью (13,83, 13,46 и 13,28 % соответственно), причастия I и II составили 9,22 и 10,33 % от общей выборки, наименее употребительными оказались отглагольные прилагательные – 2,39 %.

Как было отмечено выше, потенциально-пропозитивные единицы открывают возможность к устранению из плана выражения всех или некоторых ожидаемых номинативных элементов окружения семантического предиката. В следующем примере *...little progress has been made in closing medicine's racial recruitment gap* герундий *closing*, образован от глагола *close*. Валентность этого глагола предполагает пропозицию, в которой ожидаемыми являются такие семантические актаны, как субъект и объект: *smb/smth closes smth*. В данном примере есть единицы, позволяющие заполнить позицию

семантического объекта, но семантический субъект остается имплицирован: *smb/smith closes medicine's racial recruitment gap* [-S Pr +O]. В другом примере, напротив, потенциально-пропозитивная единица (причастие II) не реализует свой потенциал устранения семантического субъекта из плана выражения: *...pets owned by coronavirus patients...* → *patients own pets* [+S Pr +O]. Информация о семантическом субъекте вводится посредством предложного дополнения *by coronavirus patients*.

Поскольку перевод в импликацию семантического субъекта является возможным, но не обязательным, на следующем этапе исследования анализу подверглась активность данных единиц в импликации семантического субъекта.

Наибольшую активность в устранении семантического субъекта из плана выражения текста проявили формы страдательного залога и отглагольные прилагательные (68 и 62 %, соответственно от количества употреблений данных единиц). Промежуточное положение занимают причастие II и отглагольные существительные, которые осуществляют импликацию потенциального семантического субъекта в 40 и 44 % употреблений. Использование герундиальных форм сопровождалось импликацией субъекта в 35 % случаев, а использование инфинитива устраняло субъект в 24 %. Наименьшую активность в устранении субъекта продемонстрировали формы причастия I (всего 8 %). Последнее представляется вполне закономерным, поскольку причастие I всегда входит в предложение через свой субъект. В отмеченных 8 % употреблений причастия I оно используется в форме страдательного залога, поэтому можно говорить о том, что импликация субъекта осуществляется посредством залоговой формы.

Существенной характеристикой имплицированных семантических субъектов является возможность их восстановления, т.е. будучи устранены из плана выражения как субъекты свернутых пропозиций, они (или информация о них) сохраняются в плане содержания либо текста в целом, либо конкретного предложения, в котором использована потенциально-пропозитивная единица. Соответственно, источники восстановления информации об имплицированных субъектах можно разделить на две группы: внутритекстовые и внетекстовые. К внутритекстовым относятся контекст-предложение, контекст-абзац и контекст-текст. В предложении *The watchdog conducted an authorized raid on Facebook's offices in Dublin and gathered the necessary documentation, causing the social media site to postpone its launch* отглагольное существительное *launch* имеет синтаксически зависимый компонент *its*, который осуществляет референцию к *Facebook's offices in Dublin* и *the social media site*. Это позволяет восстановить субъект свернутой пропозиции: *Facebook launches a new dating service*. В следующем примере *Mr Hazeldean was also knocked out and hurt* для восстановления семантического субъекта надо обратиться к более широкому контексту. В абзаце (и в статье в целом) речь идет о том, что велосипедист *Gemma Brushett* сбил пешехода *Mr Hazeldean* из-за невнимательности.

Восстановлению субъекта способствует предшествующее предложение: *Robert Hazeldean, 38, a garden designer, was returning from work in central London when he collided with Gemma Brushett near London Bridge.* Так мы понимаем, что Gemma Brushett knocked out Mr Hazeldean.

Статистические данные показывают, что восстановление имплицированных семантических субъектов в большинстве случаев осуществляется за счет обращения к внутритекстовой информации. Источником восстановления чаще всего являлся контекст-предложение (48 %), далее контекст-текст (11 %) и контекст-абзац (2 %). При невозможности восстановления семантического субъекта за счет текстовой информации можно обращаться к внетекстовым источникам информации, например, к фоновым знаниям читателя, под которыми понимаются культурно-исторические сведения, прецедентные тексты и т.п. Совокупно в газетных текстах источником восстановления имплицированных субъектов внутритекстовая информация становится в 61 % употреблений, а внетекстовая – в 39 %. Такое положение дел может быть связано со спецификой газетных текстов, которые, с одной стороны, должны быть самодостаточными, а с другой, вписываться в общее информационное пространство СМИ.

Е. В. Зуевская

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ

Посессивность как языковая и философская категория неоднократно становилась объектом исследовательского интереса лингвистов – представителей разных языков. Целый ряд теоретических работ был направлен на теоретическое обоснование категории посессивности в языке, выделение и систематизацию языковых средств, реализующих посессивную семантику в процессе коммуникации. В связи с этим можно найти и различные определения статуса категории посессивности.

Сегодня для обозначения указанной категории существует целый ряд терминов: *посессивность, притяжательность, принадлежность, обладание.* Одним из аргументов, приводимых противниками термина *посессивность*, является его явная связь с латинским глаголом *possidere* ‘владеть’, что подразумевает ограниченность категории материальным обладанием. Это наталкивает на мысль, что обладание имеет отношение только к посессору-человеку. Однако сегодня обладание мыслится гораздо шире: человек может обладать не только имуществом, но и иметь, например, интеллектуальную собственность, определенные права, а иные материальные объекты могут обладать определенными качествами, характеристиками, особенностями, но не иметь отношение к человеку. В связи с этим следует рассматривать посессивность как широкое понятие, не ограничивающееся лишь материальным владением.